

Я также хорошо заметил, что когда Вы писали последнее письмо, Вы были совершенно полны любовных помыслов. Вы должны стыдиться теперь, ибо Вы стары, а думаете, что Вы красивы, и флирт подходит Вам, как большому косматому псу игра с молоденькой кошечкой. Если бы Вы были так же мягки и кротки, как я, то я бы поверил. Но если я стану бургомистром, я буду стыдить Вас и грозить Вам заточеньем в Лугинсланде,¹⁴⁸ как Вы грозили благочестивому Цамессеру¹⁴⁹ и мне. Я Вас когда-нибудь заточу вместе с девицами Рех [енмейстершей], Роз [ентальшей], Гарт [нершей], Шутц и Пёр[шт] и еще многими, которых я не хочу называть ради краткости. Пусть они Вас изрежут. Но обо мне спрашивают больше, чем о Вас. Ибо Вы сами пишете, что обо мне спрашивают и девки, и благочестивые женщины. Это признак моей добродетельности. Если только бог поможет мне возвратиться, не знаю, как я должен жить с Вами из-за Вашей великой мудрости. Но я рад Вашей добродетельности и кротости. И Вашей собаке будет теперь хорошо, так как Вы не будете больше избивать ее до хромоты. Но теперь, когда Вас прославили дома столь великим, Вы никогда не отважитесь разговаривать на улице с бездельником-живописцем,¹⁵⁰ – показаться с живописцем было бы для Вас большим позором.

О дорогой господин Пиркгеймер, сейчас, в тот момент, когда я Вам так весело писал, начался пожар и сгорело шесть домов у Петера Пендера,¹⁵¹ и сгорело мое шерстяное сукно, за которое я только вчера заплатил 8 дукатов. Так что я тоже пострадал. Здесь очень много шума из-за этого пожара.

Также Вы пишете, что я должен скорее возвратиться домой. Я приеду сразу же, как только смогу. Ибо я должен заработать на жизнь. Около 100 дукатов я уплатил за краски и прочее. Я заказал также два ковра, завтра я за них заплачу, но я не смог купить их дешево. Я запакую их с моими вещами...

Также знайте, что я решил было научиться танцевать и был два раза в школе. Но после того как пришлось заплатить учителю дукат, никто не заставит меня снова туда пойти. Я истратил бы на ученье все, что я заработал, да еще в результате ничему бы не научился.

Также обожженное стекло¹⁵² доставит Вам посылный Фербер.

Также я нигде не мог узнать, напечатано ли что-нибудь новое по-гречески. И я запакую Вам стопу Вашей бумаги. Я думал, у Кеплера¹⁵³ ее больше. Но таких перьев, как Вам хотелось, я нигде не мог достать. Все же я купил белых перьев. Если же мне попадутся зеленые, я их тоже куплю и привезу с собой.

Также Стефан Паумгартнер писал мне, чтобы я купил ему пятьдесят карнеоловых зерен¹⁵⁴ для четок. Я их уже заказал, но дорогие. Я не мог достать более крупных; и я пошлю их ему со следующим посыльным.

Также по Вашей просьбе довожу до Вашего сведения о том, когда я собираюсь возвратиться, чтобы мои господа знали, как им поступать. Я закончу здесь все через десять дней. Затем я поеду в Болонью ради секретов искусства перспективы, которым хочет научить меня один человек.¹⁵⁵ Там

¹⁴⁸ *Luginstland* – буквально «смотри вдаль». Так называли в Германии в XV – XVI веках крепостные сторожевые башни, с которых открывался далекий вид. «Lug ins land» называли обычно и высокую сторожевую башню Нюрнберга, которая одновременно служила тюрьмой.

¹⁴⁹ *Ганс Цамессер* – один из представителей «золотой молодежи» Нюрнберга, лишенный права посещать «клуб господ» за непристойное поведение.

¹⁵⁰ В тексте: «cum pultron de pentor» (итал. «con poltrone di pintor»).

¹⁵¹ *Петер Пендер* – хозяин харчевни, расположенной близ церкви св. Варфоломея. Во время пребывания в Венеции Дюрер жил у него.

¹⁵² В тексте: «vitrum vstum»

¹⁵³ Вероятно, Себальд Кеплер (или Кеппнер) – нюрнбергский переплетчик, может быть, предок знаменитого астронома.

¹⁵⁴ *Карнеол*, или *сердолик*, – минерал, разновидность халцедона, красного, бурого или желтого цвета.

¹⁵⁵ О приеме, оказанном в Болонье Дюреру, рассказывает Кристоф Шейрль, в то время заканчивавший там курс обучения в университете (см.: «Приложение», отрывки из «Книжечки в похвалу Германии» и «Заметок о жизни и кончине преподобного отца Антона Кресса»). С кем намеревался встретиться Дюрер – неизвестно. Некоторые пола-